

В ПЛЕНУ У БАУЭРА

Его звали Иона Михалыч. Он жил на нашей улице и часто приходил к нам домой на посиделки. По вечерам у нас собирались мужики, чтобы поговорить о том о сем. Все местные люди знали, что Иона был в немецком плену, работал на хуторянина-бауэра, однако из деликатности редко его об этом спрашивали. Что сам он расскажет, то с интересом и слушали.

О своем пребывании в Германии Михалыч рассказывал неохотно. Мужчина высокого роста, мощного сложения, он чем-то был похож на Сапрона, который тоже часто приходил к нам в дом на посиделки. Но Сапрон, как и мой отец, были настоящими фронтовикам, а Иона — бывший пленник, и оттого в общении между ними ощущалась некоторая неловкость, какая-то молчаливая недоговоренность по этому вопросу. Хотя в войну многое происходило с людьми.

Если черты лица Сапрона при всем его богатстве были тонкие, резкие, порой жесткие, то Иона Михалыч то и дело расплывался добродушной улыбкой, рот его был большой, широкий, с толстыми лоснящимися губами, он непропорционально выделялся на лице, таким ртом можно, наверное, проглотить полбуханки хлеба.

Шутили, что в плену «заработал» себе постоянный голод, и теперь все время хочет есть. Часто звучали забавные истории, я хохотал до слез, лишь изредка выглядывая с печки, где мне было тепло, уютно и не страшно.

У нас дома почти всегда были моченые кислые груши. Чугун с моченками стоял всегда на лавке, их можно было брать и есть сколько угодно, чем Иона и пользовался, опорожня чугун наполовину. Иона Михалыч во время своих воспоминаний по имени своего бывшего немецкого хозяина даже называть не хотел, вроде бы Иоганн его звали: «мой свинячий Гитлер», «мой фашист»... — бывший раб продолжал ненавидеть своего бауэра даже спустя десятилетия. Мечтал поехать в Западную Германию, поймать Иоганна где-нибудь возле усадьбы и от души набить ему рожу, отомстив таким образом за свои мучительные годы.

Однажды, собравшись с духом и перестав есть груши, Иона рассказал, как попал плен, выбираясь из окружения под Смоленском, как на поезде его везли до лагеря Дессау — там Иона вместе с другими невольниками строил бараки, разгружал вагоны с углем.

Охранник Хайнц, коммунист в душе, тайно принес в барак проволоку, наушники, серу, кусочек свинца от пули — для детектора. Смесь серы и свинца переплавили в наперстке. Получился бурый кристалл, на который нацеливали острие булавки с подключенным проводом, после чего происходило чудо: под действием тока в антенне звучали голоса и звуки — сообщения из Москвы! Заключенные по очереди слушали голос Левитана, шепотом повторяли текст сообщений. Мужественный, стойкий, совершенно непоколебимый голос! За голосом Левитана, звучащим над всеми просторами мира, стоял весь тогдашний необъятный и непобедимый СССР.

Чтобы лучше настроиться на советскую радиостанцию, подсоединили к приемнику конденсатор, сделанный из консервной банки, намотали триста витков катушки из медной проволоки. Вскоре в наушниках заключенные услышали слово «Сталинград!» — «Наши разбили немцев под Сталинградом!»

Анна, чешка, которая поддерживала связь между лагерями, принесла записку о готовящемся восстании сразу нескольких лагерей. Шифр заключался в письме мнимой возлюбленной к одному из заключенных. В каждом третьем слове вторая буква — шифрованная. Заключенные в лагерях Дессау, Рослау и других были готовы на все. Планировалось захватить пушки и открыть огонь по гестаповцам.

Однако восстание провалилось, нашлись изменники. Анну и Хайнца расстреляли, самодельный приемник отобрали. Заключенных отдали на работу в разные города Германии, Иона попал в деревню к бауэру.

«Разум тогдашних немцев ушел в войну, они свой дух в нее полностью вогнали!.. — размышлял Иона во время посиделок. — Многие они делали по хозяйству механически, жалости к рабам не было. Бауэры с виду вялые, жадные, но хитрые, себе на уме. Типичные русские кулаки! Мой бауэр относился ко мне вообще как к скотине, свиней он уважал больше, чем меня...»

Работая на хуторе с утра до вечера, Иона часто вспоминал, что где-то далеко живет и ждет его освободительница земель — Москва. Она уже близко — в Европу идет вместе со своими войсками, об этом открыто говорили на хуторе. Иона мстительно думал: вот придут наши, и конфискуют эти мощные дворики, каменные сараи, жирных свиней отправят на полевые кухни, солдаты хозяства выдают высокпенных до блеска коров...

В неволе Иона познакомился с будущей женой Верой Павловной, ее тоже привезли в Европу в телячьем вагоне, на котором была надпись: «Да здравствует Германия!» Вера родом из Белоруссии — отец ее погиб, брат партизанил, он остался жив. На малолюдном хуторе эти раб и рабыня встретились, познакомились и полюбили друг друга. Кругом тоска, тяжелый труд изо дня в день: поля, хлев, огород, кухня... Казалось, ненависть к войне запечатлена в окружающем уютном пейзаже.

Однажды хозяйка лупила ремнем бауэра за то, что приставал к Вере. Иона также ему пригрозил расправой, Иоганн не на шутку испугался — русские приближались к территории Германии.

Спустя годы Иона Михайлыч размышлял: потерял он в плену свое человеческое достоинство или нет? Мужики за чекушкой водки его успокаивали: радуйся, что живой остался, что тут, в нашей стране, тебя не посадили как шпиона, разобрались, что ты пострадавший советский человек. Достоинство не в том, что пленный вынужден есть месиво вместе со свиньями и хочет выжить, а в том, что он, как и всякий воин, надеется на победу. Иона в плену мечтал совершить какой-нибудь подвиг. Но что же такого великого сделать? Хозяин при всей своей отвратительности и жадности смешон, свиней отравить — бауэр сдаст обратно в лагерь. Иона, будучи высок и полон телом, не наедался пайком, который выделял для своих работников бауэр, поэтому Ионе приходилось становиться на колени, зачерпывать пригоршнями месиво из свиного корыта и жадно, торопливо насыщать свой желудок. Свиньи серчали, норовили его укусить.

Бауэр заметил, что свиньи не наедаются, выследил Иону и в качестве наказания запер его в сарай, посадил на голодный паек. Иона едва не умер от истощения, но Вера приносила тайком еды — она работала в поле и делилась с Ионой своим пайком.

«В нашей России нет ни одного бауэра! — с гордостью думал Иона, сидя в темном холодном подвале. — Одни только настоящие колхозы! В своем селе я опять буду вольный человек, там не придется воровать корм у свиней...»

Через неделю бауэр освободил Иону из каггера, они запрыгнули в две большие телеги с высокими бортами коней-тяжеловозов, поехали в ближайший лагерь заключенных — за пеплом. Возле куч золы собралось много телег и грузовиков из окрестных хуторов. Зола людей — дармовое и очень насыщенное минералами удобрение, бауэры ссорились из-за места в очереди. Грузили пепел совковыми лопатами, Иона кашлял от серой пыли, глаза слезились...

Домой бауэр ехал сидя на мешковине поверх горы пепла, насыпанного в телегу. Иона понуро брел рядом со своей лошадью, хотя мог ехать, как хозяин, постелив на пепел домотканый коврик.

«Чего же ты не садишься на телегу, пепел легкий, я тебе разрешаю ехать!» — оборачивался бауэр.

«Потому и не еду, что пепел этот слишком тяжелый...» — вздыхал Иона.

На следующий день они этим пеплом удобряли поля, брали светлый легкий порошок лопатами, разбрасывали по грядкам. Когда Иона Михайлович рассказывал про пепел, он вновь задыхался и кашлял, словно едкие частицы вернулись в сельскую хату из тех давних германских лет, и опять человеческая пыль точила ему горло, вышибая из глаз слезы. От пепла руки становились красными, словно от негашеной извести. В куче пепла Иона нашел оплавившиеся золотые часики, женские, страшные, без

стрелок, похожие на сверкающую желтую каплю с вкрапленными черными точками.

Тучная выросла у бауэра картошка, и свекла уродилась, было много других овощей, колосилась пшеница. Ионе казалось, что колосья сверкают под солнцем блеском миллионов глаз, в картофельных клубнях появляются человеческие лица, в бурчаной свекле — краснота крови.

Иона в тот год совсем исхудал — великан брезговал есть хлеб и свиное сало, пропитанные сладким человеческим духом, перенесенным в еду из человеческого пепла. Иона во многом питался ненавистью к врагам: «Будьте вы прокляты со своей войной и со своими концлагерями!» А бауэр, между тем, стал еще зажиточнее — двор заасфальтирован, скотные помещения вычищены, коровы пьют из чугунных раковин, нажимая мордой на клапан.

Позже в советских колхозах появятся точно такие же автопоилки на молочных фермах, а Иона, работая в колхозной мастерской токарем, будет вытачивать для поилок запчасти. Он первым на нашей улице купил себе радиоприемник «Рекорд» — ездил за ним в Москву, достал на складе у знакомого по лагерю кладовщика. По приемнику он иногда слушал западные голоса, надеясь что-либо услышать о своем ненавистном враге Иоганне, процветающем западногерманском фермере. Однажды радиоприемник сломался, и он позвал меня его чинить. Я пришел, снял с приемника заднюю картонную стенку, стер с нее пыль. Иона Михалыч с напряженным вниманием вглядывался во внутренности приемника, стараясь разглядеть «детектор». Он считал, что все приемники устроены из детекторов, вроде того, который изготовили заключенные немецкого концлагеря.

— Здесь должен быть серый камешек с желтыми блестками, а в него уперта иголка! — чуть ли не кричал он. — Я видел т а м, как устроен приемник...

Я показал ему перегоревшую лампу и тут же заменил ее — приемник заработал. Иона Михалыч огорчился, что в приемнике он не увидел знакомого ему «детектора». Вскоре он купил телевизор. В то время это была диковинка, телевизоры доставали по блату, а у Ионы был в Москве знакомый кладовщик. Мы с отцом в те годы часто ходили к нему, как тогда выражались, «на телевизор». Отец любил фильмы 30-х, я же предпочитал советские кинокомедии и футбол. Кстати, Иона Михалыч тоже был заядлым футбольным болельщиком. Правда, болел он только за сборную СССР и болезненно переживал каждый ее проигрыш. А проигрывала команда частенько. Однако мы в то время старались не пропускать ни одного матча международного масштаба. Иона был не очень гостеприимен, однако на футбол разрешал приходиться всем желающим — пацаны сидели на полу, на стульях, полностью заполняя небольшую комнату, где стоял телевизор. Всех наших футбольных противников Иона Михалыч называл почему-то «фашистами», он громогласно кричал на экран телевизора, ободряя таким образом нашу команду, и обрушивал на соперников страшные ругательства. После каждого гола, забитого в наши ворота, Иона Михалыч тяжело стонал, поднимался с табурета, кричал:

— Что за команда? Кого набрали — мазилы! У фашистов не могут выиграть, дармоеды!.. — Он хватал из кастрюли, стоящей на полу возле телевизора большой пельмень, засовывал в свой огромный рот и мгновенно съедал. Мальчишки с изумлением смотрели на него — вот это едок! Пель-

мени и котлеты, говорил Иона, помогаю ему заглушить гнев от поражения наших футболистов. Он не отрывал взгляда от черно-белого экрана, где советские игроки мужественно боролись хотя бы за ничью.

Иона Михалыч был в поселке уважаемым человеком, считался токарем-универсалом. Водки он почти не пил, заказы текли к нему со всех сторон, по тем временам жил он безбедно. Наголодавшись в плену, Иона сам готовил еду вкусную и в больших количествах. Домашние котлеты он готовил размером с мужскую ладонь, пельмени получались у него чуть ли не с лапоть. Он любил вкусно поесть, хотя в те послевоенные годы мясная еда для многих была роскошью. Однако Иона Михалыч ни в чем себе не отказывал.

Сковороды и кастрюли в его кухонном закутке были намного больше обычных, чем нужно для семьи из трех человек — у него подрастал слабоумный сын Коля, жена Вера Павловна работала медсестрой. Я иногда дразнил бедного Колю, когда его приводили к нам на посиделки, подсовывал ему кислые груши — Коля сначала ел их, затем морщился и готов был заплакать, на лице его перед слезами показывалась страшная, в полные зубы, улыбка идиота.

Иона Михалыч потихоньку грозил мне пальцем: не дразни его!..

Своего мучителя Иоганна Иона все-таки однажды встретил... Нашего токаря-новатора за его шестнадцать рационализаторских предложений отправили вместе с колхозной делегацией на ВДНХ, где ему должны были вручить серебряную медаль.

Там как раз в эту пору проводилась выставка достижений немецких фермеров. Один из стендов был посвящен работе Иоганна, который в течение многих лет селекционного труда вывел нежирных свиней беконной породы. Под стеклом холодильника демонстрировался срез свиного сала с шестнадцатью прослойками мяса.

— Вот ведь судьба-злодейка! — негодовал Иона Михалыч. — Число этих проклятых свиных прослоек совпало с числом моих изобретений!

Протиснувшись сквозь небольшую толпу к Иоганну, он взглянул ему прямо в глаза. Обыкновенный седовласый человечек с красной от волнения лысиной водил указкой по срезу сала, объясняя, как он вывел столь полезную породу свиней. Увидев и узнав Иону, фермер потерял дар речи, указка со стуком упала на мраморный пол. Некоторое время два седых пожилых человека молча смотрели друг на друга. Затем Иона резко повернулся и ушел. В тот же день, не дожидаясь окончания экскурсии и вручения медали, он забрал свой чемодан из гостиницы, уехал домой. А медаль ему спустя несколько дней привез и вручил в своем кабинете сердитый председатель колхоза, обругавший Иону за неповиновение известными подходящими словами.

Я подрастал, увлекся фотоделом. Иона Михалыч, глядя на меня, купил себе такой же фотоаппарат «Зенит», которым не сделал ни одного снимка.

Увидев у меня катушечный магнитофон «Дайна», Иона Михалыч поразился — я записал на пленку его голос! Несколько раз он просил повторить запись, с удивлением прослушивая самого себя. Вскоре он купил себе точно такой же магнитофон, пригласил меня к себе, чтобы я показал, как надо нажимать кнопки. После этого до самой его смерти магнитофон пылился на подоконнике, Иона Михалыч не сделал на нем ни одной записи.

Он любил хорошие современные вещи. Доживи Иона Михалыч до

наших дней, он бы непременно купил компьютер, чтобы затем ни разу не включить его.

А тогда он вдруг заболел и умер. Народ говорил, что рак у Ионы Михайловича «приключился от пережитых нервов».

ДУСИК

«22 июня я приехала в Елец, гуляла с подругами по улице Торговой, здесь также было много народу, играл оркестр, звучала музыка. В кино-театре «Ударник» шел фильм «Свинарка и пастух». Вдруг музыка смолкла, наступила странная тишина, музыканты, перешептываясь, встали со стульев, им всем что-то говорил человек в белом, военного образца, картузе, отдавал распоряжения.

На главной улице появились монтеры с большими репродукторами, начали привинчивать их к столбам. Люди поняли, что будет какое-то важное объявление. Спустя некоторое время в динамиках появился треск, шорох, затем по радио начали бить часы, зазвучал голос Левитана. Он сказал, что началась война. Мне и всем стало страшно.

Спустя час возле райкома партии замелькали люди с вещевыми мешками — пришли добровольцы, готовые идти на фронт. К собравшимся людям вышел первый секретарь горкома, сказал, что на фронт могут ехать только мобилизованные.

Рыжий парень в толпе очень мне понравился, он тоже был с мешком, мне это «рыжик» всего лишь один раз помахал ладонью. И даже не улыбнулся. На нем была старая, но все еще добротная вельветовая куртка, в этой потертой куртке, с русым чубом, он выглядел вполне симпатичным, в глазах его уже горел фронт, мысленно он сражался за нашу Родину! Он, видимо, не думал о том, что на фронте могут убить или сильно ранить!

После митинга он ушел вместе со своими друзьями, еще раз махнул мне рукой, как бы между прочим, слегка... Взгляд у него был потухший, он прошел почти что мимо меня.

Некоторые мои подруги говорят, что я глупая, и просто так заглядываю парням в глаза. Получается, я вроде бы кокетка... Пусть! Но я люблю парней, и мой характер уже не изменить!..

Мрачный возвышается собор над всем городом. В пригороде идут занятия с ополченцами. Я все хочу увидеть того рыженького, с ярко-синими глазами. Куда же он делся? Нет его!.. Зато появился другой, чернявый, он проводил меня до вокзала, мы целовались...

На вокзале опять слушали радио, толпа граждан собралась. Все, замерев, слушали Молотова: войну не остановить! Солдат в пилотке, пожилые женщины в светлых платках, и много других людей. Над их головами ветерок колышет витой провод, подключенный к динамику. Слушают радио посерьезневшие дети, один мальчик в кепке, другой, словно заправский солдатик, надел буденовку — он тоже, наверное, собрался на фронт.

В поезде люди говорили, что в наших лесах организуется партизанский отряд, меня на следующий день в него записали в нашем сельсовете, я по листовке зачитала присягу партизана. Но пока еще неизвестно, как мы будем действовать.

Пришло письмо от чернявого Вити, который провожал меня до вокзала — он уехал на фронт. Витя писал, что плакал, сочиняя это письмо.

Приезжала в деревню соседка Галя, она работает на ликероводочном

заводе, по секрету рассказала мне, что теперь вместо водки разливают в бутылки горючую смесь против танков — коктейль Молотова.

Немец наступал на ближние деревни, я слышала про все издевательства врага, творимые над местным населением. К счастью, наши бойцы не допустили врага до нашего села. Это великое счастье! А вот тете и ее подруге пришлось временно побыть в лапах фашистских зверей. Хочется узнать, что с ними произошло...

Мы боялись, что через день или два в наше село с двух сторон могут нагрянуть немцы. Несколько дней вокруг стоял сплошной дым, слышался гул орудий, наша местность была фронтовой полосой. Гитлеровцы могли нагрянуть со стороны Ельца, и еще ближе — со станции Хитрово. У нас были готовы к «достойной» встрече фашистов, кругом были открыты окопы.

Я много всего пережила, но больше всего боялась возможных издевательств со стороны врага. Я дала слово бить фашистов и даже умереть, но не отдать себя на поругание! От нас немцы находились на расстоянии 7–10 километров, в ближних селах появлялась немецкая разведка. Одно мгновение, и людоеды пришли бы к нам и отняли бы нашу жизнь, наше счастье, но красноармейцы дали им отпор, они побежали без оглядки.

Страх мы пережили, немцев от нас прогнали, люди вернулись к мирной жизни. С января 1942 года в нашем районе открылась школа, в районе сократили 12 школ, осталось только 6. Я могла бы получить работу в своем районе в качестве учительницы начальных классов. Но я не стала этого делать, ведь я обеспечена куском хлеба. А есть люди, у которых нет ни рубля, ни куска хлеба в руке, они сидят без работы, пусть лучше они займут положенное им место и продолжают жить. Всем сейчас хочется жить.

Итак, я без работы живу дома. Некоторые мои однокурсники, которые заканчивали вместе со мной педучилище, уехали учиться в Елец, в институт. Там их принимали без испытаний, мне тоже хотелось поехать туда учиться, но не позволило материальное положение. Дома без дела не сижу. Начиная с ноября, участвую в оборонной работе: рою окопы, тружусь на аэродроме, вместе со всеми чищу дорогу. Занимаюсь также общественной работой: я сельский агитатор, каждый день читаю газеты населению, провожу беседы. Недавно собирала подарки для Красной Армии — новогодние. Набрала очень много и многое. В деревне я продавала лотерейные билеты. Продала их на сумму 2500 рублей. Посылали меня в Задонск, на совещание в райкоме комсомола. У меня нет свободного дня, я вся в работе. Так проходит время.

Недавно смотрела кино в Задонске. Когда бываешь в городе, то никогда не замечаешь наступления вечера, выйдешь из кино — танцы начинаются! А сколько приключений происходит за один только городской вечер!..

Опишу свою работу на аэродроме в Задонске и о приключениях там. В городе была 2 дня. Нас было 20 человек девчат. Я одним воентехником была избрана среди них бригадиром. Дело было в ноябре, многое забыто... Кроме рабочих на аэродроме было много военных. Сколько красивых, но гордых!.. Но немало увидела доброты и честности. Все военные были молодые, а мы — девушки. Они не отходили от нас, разговаривали, просили знакомиться. Я ни на кого не обращала внимания, да и зачем, ведь я же знаю мнения о военных.

В первый день мы на аэродром опоздали, нас встретил воентехник,

он угрожал судом за нашу недисциплинированность, потом смягчился и стал нашим девушкам самым лучшим другом. На второй день по моей просьбе воентехник сказал шоферу, чтобы тот отвез нас домой, и потом у нас в деревне солдаты провели вместе с девушками три часа.

На аэродроме я встретила его, того парня, моего принца, который в сновидениях мне являлся. Всего описать невозможно, я этого делать не хочу. Лишь скажу, что ухаживали, несмотря на мой рабочий костюм и очень хорошо относились.

Воентехник — парень с 1916 года, зовут Гришей, он после вдруг встретил меня в Задонске, просил стать его подружкой, но я не обратила на него особенного внимания, а всего лишь погуляла с ним в парке... Воентехник собирался учиться в Академии, но помешала война, называл себя очень скромным, но я его не могла терпеть, потому что он нравился многим девушкам. Но мне-то что до этого, пусть нравится, а мое сердце он не затронул. Я просто не разрешила ему говорить со мной. Я мало с ним говорила, хотя прогулка в парке была очень лирическая...

На другой день на аэродроме мы возили на машинах песок, рассыпали его по летному полю. Шоферы молодые, очень интересные. Все заговаривали со мной, первый вопрос обычно адресовался мне: «Где вы учитесь или работаете?».

Я отвечала: «Колхозница!»

Они мне не верили.

Как-то под вечер приехала машина с песком, в ней сидел молоденький интересный шофер. Я, как и на всех прочих, не обратила на него внимания, но шофер разговорился со мной, угостил семечками, несколько девчат поехали с ним нагружать песок, он пригласил меня с собой, но я не поехала, не разрешил воентехник, я должна была оставаться на месте.

Приезжали другие водители, я разговаривала с ними, а про симпатичного шофера забыла. Вдруг, смотрю, этот симпомпончик возвращается, машина загружена песком. Одна девочка ехала с ним в кабине. Она подошла ко мне и сказала, что расскажет мне что-то. Я заинтересовалась. Она сказала, что шофер этот спрашивал, кто я, как зовут, где работаю, учусь и т.д. Он сказал, что я ему понравилась. Я была в рабочем костюме, но понравиться парням вполне могла.

Отхожу от подруги, смотрю — шофер подзывает меня пальчиком. Я подхожу к нему, он задает все те же вопросы: где училась, работала...

Я сказала: «Колхозница», однако он не поверил, и сказал: «Будет Вам скромничать!».

Потом я сказала правду. Разговорились. Он сказал, что три месяца был в бою, но не был даже ранен, много пережил, жалеет о пропавшей юности.

Пока мы разговаривали, девушки забралась в кузов, чтобы ехать в Задонск, до которого было шесть километров. Я тоже села к девушкам в кузов. Смотрю, он и воентехник просят меня пересест в кабину. Я начала было отказываться, но он сказал: «Я вас очень прошу!»

Я пересела. Поехали вместе, в пути он все время разговаривал, я тоже. Я держала себя по-прежнему непреклонно, он смотрел все время на меня и лишь изредка на дорогу, я незаметно тоже на него поглядывала.

Он очень хорош — просто дусик! Я за свои восемнадцать лет впервые встретила такого, уж слишком хорош, просто беда! Красавец, ростом выше среднего, глаза карие, щечки розовые, все наши девочки любова-

лись им, мне он понравился тем, что он добрый и честный, а еще вежливый и скромный, просто прелесть!

В пути он рассказал мне, что сам родом из Днепропетровска, у него две сестры и мать, он уже три года в армии. Взят был в армию семнадцатилетним, прежде работал в райкоме, за баранку сел случайно, поработать временно за товарища, он, дескать, не шофер, а командир. Он с 20-го года, на три года старше меня. Он часто вспоминал о своей юности, говорил много фраз, в которых я улавливала глубокий смысл. А вообще-то он старался выглядеть скромным.

В Задонске он попросил у меня разрешения познакомиться, и мы познакомились. Он распрощался со мной, обещал прибыть на аэродром завтра утром, но ни на следующий день, ни позже, как девчата ни ждали его, красавчик-шофер не появился.

Я тоже его ожидала, хотела встретить, но не встретила. Помнить буду его очень долго. Я теперь постоянно думаю о нем, но все, видно, прошло навсегда... Я его не встретила и такого уже не встречу...

После у меня было много парней, которые очень за мной ухаживали, было видно, что я им нравлюсь, они писали мне записки известного содержания...

И дома, в деревне, и в Задонске за мной многие ухаживали, но я теперь не хочу, да и зачем... Ведь таких, как он, больше не встретить...

Итак, все забыто. Сейчас больше интересуюсь международным положением, читаю газеты, книги. Приходится много работать, для меня это приятно. Собираюсь пойти в армию, набирают девушек для работы в полевой прачечной...»

На этом дневник юной Дуси обрывается.

